

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК 327.7

doi: 10.17223/19988613/78/13

ЕС, Венгрия и вакцинация дипломатия России

Алексей Михайлович Бетмакаев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, btmkv@yandex.ru

Аннотация. Представлено развитие отношений между Венгрией и институтами Европейского Союза в связи с фактором России в период пандемии COVID-19. Рассматриваются особенности венгерской дипломатии по вопросам интеграции в контексте строительства нелиберальной демократии, политики открытости в отношении Востока и сотрудничества с Россией в преодолении последствий коронавирусной пандемии. Делается вывод, что, используя ситуацию кризиса и находясь в конфликте с Брюсселем относительно европейских ценностей, Будапешт пытается изменить правила игры в ЕС в соответствии с своими национальными интересами.

Ключевые слова: Европейский Союз, Венгрия, Россия, Виктор Орбан, COVID-19, Спутник V

Для цитирования: Бетмакаев А.М. ЕС, Венгрия и вакцинация дипломатия России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 97–105. doi: 10.17223/19988613/78/13

Original article

The EU, Hungary, and Russian vaccine diplomacy

Alexei M. Betmakaev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, btmkv@yandex.ru

Abstract. Since the Fidesz-KDNP alliance rise to power in April 2010 the relations between Hungary and the institutions of the European Union have been becoming more and more strained. A proponent of illiberal democracy, Prime Minister Viktor Orbán has pursued a foreign policy shaped by nationalism, often disregarding Brussels stance and provoking conflict. The institutions have accused Hungary of abandoning the principles of liberal democracy and rejecting the European values and threatened to impose sanctions. Orbán played the Euroscepticism card domestically and with the members of the Visegrád Group that supported Hungary in its opposition to the EU's common policy concerning the migrant crisis of 2015. While some may consider Orbán a populist, his Brussels policy can strengthen Hungary's position in the Union. This paper studies how Budapest and Brussels interacted against the backdrop of the COVID-19 pandemic in 2020–2021 and what influence Russia had on that interaction.

Hungary, having deviated from the course of Europeanisation in its foreign policy, has become increasingly inclined to position itself as a sovereign state, whose government stands up for its national interest and thereby comes into conflict with Brussels. In 2020, this trend developed into the Hungarian National Security Strategy based on the three foundational tenets: 1) Hungary recognizes the global changes and the emergence of an alternative world order; 2) Hungary needs to build relationships with other global actors (Russia and China) besides the European Union that (as well as the West, in general) became a considerably weaker element of the international system; and 3) Hungary's policy is framed in the Berlin–Moscow–Istanbul triangle. To sum up, the de-Europeanization backslide within the Hungarian foreign policy manifests itself in Orbán's rhetoric against Brussels, in his idea of the Visegrád Group as a prospective part of the Paris–Berlin axis, and in the reinforcement of the Hungary–Russia relations.

The article demonstrates how Budapest leverages Russia's vaccine diplomacy to exert pressure on Brussels when Hungarian interests are at stake. The author dismisses the notion of Hungary as of a Russia's Trojan horse, because such view on the Orbán's policy concerning the EU institutions is oversimplified and wants to emphasize that Hungary and Russia pursue different interests. The main finding of this study is that Orbán's EU policy is in itself manipulative,

aimed at conforming the European foreign policy to the politician's own views. His eventual success would have a significant impact on the transformation of the EU.

Keywords: European Union, Hungary, Russia, Viktor Orbán, COVID-19, Sputnik V

For citation: Betmakaev, A.M. (2022) The EU, Hungary, and Russian vaccine diplomacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 97–105. doi: 10.17223/19988613/78/13

Отношения между институтами Европейского союза и Венгрией за последние десять лет прошли проверку в ряде конфликтных ситуаций, что было связано в основном с реакцией Брюсселя на внутреннюю и внешнюю политику центральноевропейского государства. Придя к власти после победы на парламентских выборах в 2010 г. во главе коалиции с участием партии Фидес и христианско-демократической народной партии, премьер-министр Виктор Орбан строит, по его словам, нелиберальную демократию [1]. Это строительство нарушает, по мнению институтов ЕС, основные европейские ценности [2]. Изменив венгерскую конституцию в 2011 г. и расширив prerogatives исполнительной власти, лидер Фидес Орбан одержал победы на парламентских выборах в 2014 и 2018 гг. Важной и постоянной темой его популистской риторики стало противостояние суверенной Венгрии «брюссельской бюрократии», которая пытается лишить венгерский народ его права на собственный путь развития и проведение самостоятельной, без оглядки на мнение европейских институтов, внешней политики, в том числе и в отношении Российской Федерации.

Выше нами был кратко изложен преобладающий в зарубежных исследованиях либеральный дискурс в оценке венгерской внешней политики в «эпоху Orbana» [3–5]. Противостояние Будапешта и Брюсселя рассматривается как конфликт ценностей, поэтому важную роль играет анализ влияния популизма как идеологии и практики венгерского режима на принятие внешнеполитических решений [6–8]. Однако большинство российских специалистов оценивают развитие венгерско-европейских отношений через призму конфликта интересов, обращая внимание на прагматизм и многовекторность политики Orbana [9, 10]. Этот подход близок к теории политического реализма и разделяется рядом зарубежных исследователей [11–13]. Двойственность интерпретаций также можно обнаружить в работах по проблемам отношений между ЕС и Россией [14, 15], Венгрией и Россией [16–18]. Конечно, существуют статьи, в которых авторы пытаются выйти за рамки отмеченных подходов, несмотря на ограниченный круг источников, когда речь идет о самых последних событиях в международных отношениях [19–21].

Взаимодействие институтов ЕС с государствами-участниками и отношения между ЕС и Россией в связи коронавирусной пандемией оказываются предметом не только научных статей, но и коллективных монографий, инициируя обращение к новым исследовательским темам [22–25]. Новым сюжетом можно считать также анализ взаимодействия Будапешта и Брюсселя в условиях борьбы с последствиями пандемии COVID-19 с учетом фактора России в 2020–2021 гг., что является целью данной статьи.

Если попытаться кратко изложить суть отношений между Венгрией и институтами ЕС в «эпоху Orbana», то они обычно развивались по следующему сценарию: Будапешт принимал закон, содержание которого в Европейской комиссии и Европейском парламенте оценивалось как нарушение норм ЕС. Комиссия рекомендовала изменить спорный закон, но венгерское правительство отказывалось следовать этой рекомендации. Тогда дело поступало на рассмотрение в Европейский суд, который поддерживал позицию европейских институтов, и Венгрия корректировала спорное законодательство. В 2011–2012 гг. так развивались события вокруг закона о центральном банке и судебной реформы [26. Р. 239–240].

Однако в 2015 г. привычный сценарий был нарушен. К Венгрии в ее противостоянии плану ЕС урегулировать острый миграционный кризис присоединились другие участники Вишеградской группы (В4). Бескомпромиссная Венгрия отказалась от предложения Еврокомиссии стать страной временного пребывания беженцев и не поддержала соглашение между ЕС и Африкой с целью решения кризиса. Венгерские власти приняли закон, дающий возможность оспорить в суде решение ЕС об обязательных квотах для приема иммигрантов [9. С. 103–104]. Согласно широко распространенному среди исследователей мнению, миграционный кризис обозначил смену вех во внешней политике Венгрии [11. С. 256].

По наблюдениям Р. Чехиа из Мюнхенского технического университета и Э. Згутб из Варшавского университета, в 2015 г. акцент в популистском дискурсе Orbana сместился с проблемы упадка демократии на проблему миграции, став гораздо более евроскептическим. Орбан не только говорил о потере «общей европейской родины», но и обвинил в этой утрате политических, экономических и интеллектуальных лидеров ЕС – «брюссельских фанатиков интернационализма», или *homo brusselicus* [6. Р. 59–60].

Отказ действовать в рамках миграционной политики ЕС фактически означал торможение процесса европеизации внешней политики Будапешта. Под европеизацией обычно понимают освоение правил, процедур, парадигм политики, стилей, способов ведения дел, общих убеждений и норм, которые сначала определяются и консолидируются в политическом процессе ЕС, а затем включаются в логику внутреннего (национального и субнационального) дискурса, политических структур и общественного выбора [27. Р. 115–126]. Опираясь на анализ венгерского политолога А. Хеттееи стимулирующих и сдерживающих факторов европеизации внешней политики Будапешта [12. Р. 129–133], мы выделяем четыре фактора деевропеизации, т.е. процесса, противоположного европеизации.

Первым фактором деевропеизации политики Венгрии можно считать идеологическую неприязнь к дальнейшей интеграции. Орбан последовательно выступал против продолжения трансфера власти наднациональному центру в Брюсселе. Эта позиция выразилась в продвижении популистского мифа о защите национального суверенитета. Его правительство постоянно демонстрирует обществу картину почти неограниченной венгерской автономии. Венгрия – хозяйин своей судьбы, она свободна в выборе партнеров и позиций. Ее экономические достижения создаются самостоятельно, при небольшом вкладе извне или вообще без него. По мнению А. Хеттшей, чем сильнее гиперболизируется ЕС как образование, напоминающее СССР, тем больший акцент делается на потребность в сохранении независимости и автономии Венгрии [28. Р. 19].

Венгерского премьер-министра Орбана принято относить к политикам-популистам, ставя его в один ряд с Д. Трампом (США), М. Ле Пен (Франция), Н. Фаражем (Великобритания) и др. В широко известной интерпретации немецкого политолога Я.-В. Мюллера непосредственной причиной подъема популистской волны выступает специфический способ решения кризиса с помощью технократии. При этом европейских технократов сближают с популистами претензии на истину, убежденность в собственных взглядах как единственно верных для решения проблемы [29. С. 124–130]. Однако популисты, критикуя наднациональную «элиту», говорят от имени «народа», что должно делать легитимной их оппозицию технократам.

Внешняя политика популиста Орбана характеризуется персонализацией и политизацией дипломатии, конфронтационным поведением в отношении институтов ЕС и диверсификацией двусторонних отношений за счет поиска нетрадиционных партнеров для Венгрии [8. Р. 692–696]. Вместе с тем мы согласны с мнением ряда венгерских политологов, что не стоит пренебрегать преобразующей способностью популистской политики: Орбан выступает не как политик, «соблазняющий» электорат, а как актер широких структурных изменений, происходящих и в стране, и в центральноевропейском регионе [7. Р. 1443; 8. Р. 698]. Завеса популистской риторики также не должна скрывать от исследователей того, что в конце концов внешняя политика Венгрии подчиняется логике, основанной на орбановском понимании национальных интересов.

Вторым фактором деевропеизации внешней политики Будапешта стоит назвать избирательное применение европейских правовых норм: отказываясь от миграционных квот, Венгрия следует только тем нормам, которые соответствуют ее национальным интересам. Как заметил известный политолог И. Крастев, правительства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) любят использовать Брюссель как риторическую боксерскую грушу, при этом извлекая выгоду из его финансовой щедрости [3. Р. 52]. В обзоре Организации экономического сотрудничества и развития Венгрия названа основным бенефициаром средств из фондов ЕС. В период 2021–2027 гг. страна получит 34,4 млрд евро, что равно четверти ее ВВП в 2020 г. [30. Р. 41].

Третий фактор деевропеизации связан с линией Будапешта на противопоставление центральноевропейской общности европейской идентичности. Этой линии способствовало то, что внутри и вне ЕС страны ЦВЕ в последние годы претендовали на автономию, пытаясь «монетизировать» свое геостратегическое положение и уклоняясь от инициатив по углублению интеграционного процесса [19. С. 85–86]. Руководитель Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН Л.Н. Шишелина обращает внимание на то, что идея Орбана о замене к 2030 г. оси Германия–Франция треугольником с участием группы В4 получила отрицательный отзыв бывшего премьер-министра Словакии М. Дзурицы: она абсолютно нереалистична и вредна, поскольку означает начало фрагментации Евросоюза и играет на руку Китаю и России [10. С. 33–34].

Четвертый фактор деевропеизации внешнеполитического курса Венгрии (вероятно, самый важный) выражается в переходе к более прагматичной многовекторной политике, что ведет к углублению связей со странами вне ЕС. В 2011 г. правительство Орбана провозгласило политику открытости в отношении Востока (*keleti nyitási politika*) с целью расширения экономических связей с Россией и странами АТР, уделив особое внимание торгово-инвестиционным отношениям с КНР. Поэтому Венгрия не подписала заявление стран-членов ЕС против инициативы Китая «один пояс, один путь» [13. Р. 115–118].

Акцент на политику в духе реализма выражен в новой стратегии национальной безопасности Венгрии, утвержденной в апреле 2020 г. и заменившей стратегию 2012 г. Хотя в документе говорится о приверженности Венгрии своим обязательствам НАТО и ЕС, но отмечается необходимость взаимодействия с Россией и Китаем на основе взаимной политической и экономической выгоды. Реалистичный подход признает сложность мирового порядка, в котором малая держава балансирует между ключевыми акторами [31].

Орбан также утверждал, что дипломатия Венгрии имеет систему координат для ориентации: Стамбул, Берлин и Москва. Поскольку отношения Европейского Союза и с Турцией, и с Россией являются напряженными, орбановское геополитическое обоснование внешней политики, полагает Л. Чичманн, означает стремление Венгрии придерживаться статуса «страны-парома» между Европейским Союзом, Турцией и Россией [11. С. 258].

Отмеченные выше факторы деевропеизации внешней политики Венгрии имеют разную силу воздействия на отношения между Будапештом и Брюсселем. Но их значение может возрастать с каждым новым вызовом процессу европейской интеграции внутри и вне ЕС. Серьезным испытанием для венгерско-европейских отношений стала коронавирусная пандемия.

В конце января и в феврале 2020 г., когда в Европе были обнаружены первые случаи COVID-19 и органы здравоохранения начали принимать меры по сдерживанию распространения болезни, еще не было ясно, что основные решения по кризису будут приниматься ЕС, а не национальными правительствами. ЕС имел ограниченную компетенцию в сфере здравоохранения.

Бюджет Европейского центра по профилактике и контролю заболеваний был в 100 раз меньше, чем у его американского аналога [32. Р. 3]. Поэтому инициатива в борьбе с пандемией первоначально была на стороне национальных правительств.

Венгрия стала одной из первых стран Европы, которая ввела ограничения на ранней стадии пандемии. Первые пациенты с коронавирусом (иранские студенты медицинского университета г. Печ) были госпитализированы 4 марта. Правительство 11 марта приняло пакет мер, создав оперативный штаб по борьбе с кризисом. Запрещался выезд из страны медработников, военнослужащих и госслужащих. Была широко задействована армия, что сразу выделило Венгрию среди других стран-членов ЕС [5. Р. 270–273]. В целом же антиковидные меры не были особенно строгими по сравнению с другими странами. В первой половине 2020 г. Венгрия занимала среднее место среди европейских стран по индексу строгости в отношении COVID-19, разработанному Школой государственного управления им. Блаватника при Оксфордском университете [33. Р. 342].

Однако Будапешт на этом не остановился. Правительство активировало конституционный режим чрезвычайного положения и объявило «состояние опасности». Парламент в ускоренном порядке принял 30 марта «закон о коронавирусе», который наделял правительство Орбана правом управлять страной напрямую посредством указов, без утверждения их в парламенте [23. Р. 178–180].

В Брюсселе быстро сформировалось мнение, что венгерское правительство рассматривало пандемию как возможность для дальнейшего расширения авторитаризма, используя положения закона, позволяющие правительству бессрочно править указами. Закон разрешил правительству отложить выборы и привлечь к ответственности тех, кто намеренно «распространяет дезинформацию» о пандемии. Не называя Венгрию, председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила 2 апреля, что встревожена мерами, принимаемыми в некоторых странах. И хотя под международным давлением закон был отменен в июне 2020 г., в него были добавлены новые правила, позволяющие правительству продолжать осуществлять некоторые из своих особых полномочий [21. Р. 424–425].

В венгерских СМИ, лояльных правительству, утверждалось, что коронавирус показал неэффективность Европейского союза в условиях кризиса и что с последствиями пандемии могли справиться только сильные национальные государства и настоящие политические лидеры. Наиболее эффективной формой международного сотрудничества во время кризиса назывались двусторонние отношения. С другой стороны, оппозиционные медиа подчеркивали, что многие европейские страны действовали быстрее или эффективнее, чем Венгрия [5. Р. 274].

Первые месяцы пандемии показали, что страны-члены ЕС не показали высокую степень солидарности перед лицом общего вызова. Запреты на экспорт необходимых средств индивидуальной защиты, плохо скоординированное закрытие границ и широко распростра-

ненный эгоизм государств-членов – все это послужило основой для ранее существовавших нарративов СМИ о кризисе ЕС. Этот этап прошел быстро, поскольку государства пришли к соглашению о правилах регулирования. Были сняты запреты на экспорт, организованы совместные закупки и увеличено их финансирование в ЕС [34. Р. 748]. В середине 2020 г. была разработана европейская программа финансирования преодоления последствий пандемии.

21 июля лидеры ЕС согласовали финансовый пакет в размере 1,82 трлн евро. Беспрецедентный финансовый пакет включает многолетнюю финансовую рамочную программу (Multiannual Financial Framework, MFF) на 2021–2027 гг. и программу восстановления «Следующее поколение ЕС» (NextGenerationEU). Стимулирующий пакет призван вывести европейскую экономику из глубокой рецессии, вызванной пандемией [35].

Финансовый пакет был принят 10–11 декабря 2020 г. на саммите Европейского Совета, который временно «заморозил» конфликт Европарламента и Еврокомиссии, поддержанных также большинством «старых» стран-членов, с Венгрией и Польшей по принципам финансирования «Следующего поколения». Будапешт и Варшава отказались от «предупредительного вето», которое они объявили в ноябре, заблокировав увязку предоставления средств ЕС с уважением принципа верховенства права. В случае несоблюдения этого принципа Еврокомиссия получала право сокращать выдачу средств из совместного бюджета государствам-нарушителям (так называемый «механизм верховенства права»). Евросовет подтвердил, что ЕС, его страны-члены и институты привержены продвижению и уважению ценностей, на которых основан Союз, включая верховенство права, а также напомнил, что ст. 7 Договора об учреждении ЕС устанавливает процедуру реагирования на нарушение этих ценностей в соответствии со ст. 2. По мнению Б.Е. Фрумкина из Института мировой экономики и международных отношений РАН, от компромисса тактически выиграл Орбан, которому новая процедура позволяет отсрочить расследование претензий к Венгрии до 2022 г., сохраняя финансирование из бюджета ЕС и тем самым повышая его шансы на победу на парламентских выборах. Но в долгосрочной перспективе нынешние венгерские и польские власти проиграли, так как соглашение позволяет приостановить выдачу денег странам в случаях коррупции или конфликта интересов, причем регламент может применяться задним числом с 1 января 2021 года [36. С. 7].

Параллельно с разработкой плана финансовой помощи пострадавшим от пандемии странам Еврокомиссия занималась закупками и распределением масок, аппаратов ИВЛ и пр. Однако до июля 2020 г. она играла небольшую роль в обсуждении разработки и закупок вакцин. Первые исследования вакцин финансировались и контролировались фармацевтическими компаниями и национальными правительствами, а Еврокомиссия пришла к выводу, что ЕС может сыграть решающую роль в кризисе в качестве централизованного переговорщика по закупкам вакцин, с возможностью для всех стран-членов получить вакцины быстро, недорого

и справедливо. 27 августа Еврокомиссия подписала соглашение о закупке 400 млн доз вакцины Oxford–AstraZeneca [32. Р. 3–4].

Прибытие в Венгрию вакцин в рамках общих европейских закупок запаздывало, поэтому Будапешт договорился о поставках незарегистрированных в ЕС вакцин из России и Китая – 2 млн доз российской вакцины «Спутник V» [20. С. 82] и 5 млн доз китайской вакцины Sinopharm [37]. Хотя венгерское правительство продемонстрировало прагматизм в решении важнейшей проблемы здравоохранения, ряд исследователей увидел также и приверженность Будапешта вакцинному национализму, который превратился в вакцинный популизм, поскольку Орбан стремился преуменьшить роль совместных европейских усилий и нашел альтернативные источники для проведения вакцинации [25. Р. 12].

11 августа 2020 г. президент В.В. Путин объявил о регистрации первой вакцины против COVID-19 в мире с символическим названием «Спутник V», хотя она еще не прошла третью фазу испытаний. Правительство России начало пропагандистскую кампанию, подчеркивая способность РФ разработать вакцину с самого начала появления нового коронавируса [38. Р. 441]. В ответ Европейский союз заявил, что Китай и Россия проводят кампании по дезинформации в Интернете, чтобы подорвать доверие к западным вакцинам, опыту и институтам. Некоторые наблюдатели увидели в действиях России попытку использовать вакцину «Спутник V» как один из инструментов гибридной войны, а министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан охарактеризовал российскую вакцинную дипломатию как «средство пропаганды и агрессивной дипломатии» [25. Р. 14].

Так в общественно-политическом дискурсе понятие «вакцинная дипломатия» приобрело негативную коннотацию. Однако в исследованиях ученых-международников оно рассматривается, во-первых, как многосторонняя дипломатия в интересах глобального здравоохранения и, во-вторых, как вид национальной дипломатической практики, связанный со стратегическими целями государств и реализуемый в рамках мягкой силы [39]. В истории также есть примеры, когда вакцинная дипломатия становилась общим делом и способом коммуникации непримиримых противников. Например, в годы «холодной войны» советские и американские вирусологи разработали вакцину против полиомиелита, использование которой привело к прекращению распространения этого заболевания по всему миру [40. Р. 68].

Даже если принять точку зрения, что Венгрия стала объектом вакцинной дипломатии России, то следует выяснить, какой эффект имело применение вакцины на венгерское общественное мнение. Согласно опросу, проведенному словацким фондом ГЛОБСЕК в первой половине 2021 г., на вопрос «Если бы у Вас был выбор, какую вакцину Вы бы предпочли?», ответы венгерских респондентов распределились следующим образом: западноевропейскую и американскую – 35%, российскую – 7%, китайскую – 10%, любую вакцину, одобренную Европейским агентством по лекарственным средствам, – 41%, не знаю – 7% [41]. Отметим, что популярность российской вакцины оказалась ниже, чем доля, которую занимал «Спутник V» в вакцинации вен-

гров. По данным на 27 ноября 2021 г. из 13,14 млн доз, использованных в Венгрии, 1,81 млн были российского производства (13,8%). Совокупная доля всех вакцин производства Европы и США составила 69,7%, а доля китайской вакцины – 16,5% [42].

Относительно невысокие показатели российской вакцины не помешали продолжению двустороннего сотрудничества. 14 октября 2021 г. в Москве министр здравоохранения России М. Мурашко и министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии П. Сийярто обсудили вопросы строительства в Венгрии завода по производству вакцины «Спутник V» и взаимное признание сертификатов о вакцинации [43]. Получение технологии для производства вакцины станет первым шагом на пути к распространению российской вакцины в ЕС, хотя «Спутник V» еще не одобрен ВОЗ и Европейским агентством по лекарственным средствам.

Заинтересованность Будапешта в сфере производства и распространения вакцины из России, на первый взгляд, дает новый аргумент в пользу оценки Венгрии в качестве «троянского коня» Москвы в ЕС. Он дополняет орбановскую критику санкций против России в связи с украинским кризисом, ежегодные саммиты лидеров двух стран и соглашение о строительстве АЭС «Пакш-2», которое сделало Россию единственным поставщиком ядерного топлива в Венгрию [14. Р. 87–88]. Летом 2021 г. к этому списку также можно отнести конфликт между Венгрией и Европарламентом в связи с принятием закона о запрете пропаганды гомосексуализма среди лиц моложе 18 лет, в котором некоторые евродепутаты увидели копирование российского законодательства. И вновь Европейская комиссия открыла дело против Венгрии и Польши за несоблюдение основных прав ЕС [44. С. 60–61], тем самым углубляя конфликт ценностей между Брюсселем и центрально-европейскими столицами. Наконец в сентябре 2021 г. Будапешт и российская компания «Газпром» подписали два контракта сроком на 15 лет на поставку российского газа через газопровод «Турецкий поток» и далее через газотранспортные системы Юго-Восточной Европы в обход Украины [45].

Сторонники концепции «троянского коня» исходят из того, что Россия стремится подорвать силу ЕС, не сотрудничая с брюссельскими институтами, а вместо этого развивая двусторонние связи с отдельными европейскими странами и стремясь посеять раскол внутри ЕС и подорвать коллективные действия объединения [14. Р. 92–93]. По нашему мнению, ярлык «Венгрия – троянский конь России» отдает дань публицистике. Оценка внешней политики Будапешта и венгерской роли в ЕС требует более взвешенного подхода.

Во-первых, венгерский «конь» попал в один ряд с «конями» Италии, Греции и Кипра, которые преследовали свои интересы в экономическом сотрудничестве с Россией, но, в отличие от них, Венгрия также участвовала в конфликте ценностей с институтами ЕС, демонстрируя близость к традиционными ценностям российского президента. Польша как участник ценностного конфликта, видимо, тоже обслуживает интересы России, но Варшава ни при каких условиях не считалась промосковской, поскольку она открыто про-

водит антироссийскую политику [7. Р. 1455]. И хотя существует постоянный политический диалог между президентом России и премьер-министром Венгрии, Будапешт поддерживает санкционный режим, введенный Европейским Союзом [11. С. 259]. Исследователи из Словакии А. Казгарски и С. Мацалова полагают, что в любом случае Будапешт можно рассматривать скорее как оппортуниста в отношениях с институтами ЕС, чем страной, желающей служить «инструментом» России [16. Р. 252]. С 2010 г. из Венгрии изгнаны более десяти сотрудников российской разведки, хотя эти действия в основном проводятся без огласки, что является отходом от обычной практики ЕС. Более того, строительство АЭС «Пакш-2», которая является флагманским проектом России в Венгрии, сталкивается с серьезными препятствиями. Несмотря на давление со стороны России, венгерские власти отказались разрешить строительство новых энергоблоков до тех пор, пока Росатом не предоставит документацию, соответствующую стандартам ЕС [17].

Интересную интерпретацию политики Венгрии в отношении ЕС и России предлагает исследовательница из Литвы А. Шмидт-Фельцманн. Малые государства-члены ЕС сформировали повестку дня между ЕС и Россией по вопросам, связанным с их географией, преобладающими национальными интересами, историческим опытом и специальными знаниями. Для них совокупная сила ЕС дает больше рычагов воздействия на исход переговоров с Россией. Важность небольшой страны для России также играет роль. Государства с ограниченным влиянием могут попытаться вовлечь ЕС в проблемы с Россией, что может задержать или помешать достижению двусторонних соглашений. Как правило, участники ЕС заключают двусторонние сделки с Россией и ищут поддержки со стороны других государств-членов и институтов ЕС, когда возникают проблемы с Россией, которые им трудно решить самостоятельно. Поэтому Россия предпочитает двусторонние отношения с государствами-членами, а не взаимодействие с институтами ЕС [15. Р. 209]. И у наблюдателей складывается впечатление, что Россия таким способом старается ослабить ЕС.

Во-вторых, Венгрия, скорее, заслуживает звания тро-янского коня Китая. Она пыталась привлечь китайские инвестиции для решения проблем, возникших в результате экономического кризиса 2008 г. Венгрия с энтузиазмом присоединилась к инициативе Китая для стран ЦВЕ рамочной программе «16 + 1», заключив соглашение о стратегическом партнерстве. Этот форум сначала позиционировался как чисто экономический, однако затем получил политическое наполнение и, по сути, стал организацией, независимой от руководства Европейского союза и контролируемой Пекином [46. С. 201]. Будапешт использует улучшение своих отношений с Китаем как стратегию шантажа в отношении ЕС. Интересно, что рост активности Китая не вызвал никакой тревоги ни у венгерской оппозиции, ни у ши-

рокой общественности. Никто из крупных политических игроков в Венгрии не выступает против политики открытости в отношении Пекина [18. Р. 36–37]. Венгрия выступает за снятие эмбарго ЕС на поставки вооружения в Китай и предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой. Она является сегодня страной с самым многочисленным китайским населением в ЦВЕ, имея наибольшую долю китайских инвестиций среди стран региона [46. С. 210–211].

Стремясь осуществлять самостоятельную внешнюю политику, Венгрия не планирует покидать ЕС ввиду конфликта ценностей. Будапешт хочет изменить правила игры в соответствии со своими интересами и идеологией. Эффективность этой стратегии зависит от объективных и субъективных факторов. История с закупками российской и китайской вакцин показывает, как популист Орбану удалось продемонстрировать венграм свою способность находить быстрые технократические решения неотложных проблем на фоне замедленной реакции брюссельских бюрократов. Конечно, орбановская стратегия, рассчитанная на долгосрочную перспективу, не предполагает выхода из ЕС. По мнению А. Хеттгеи, Европейский Союз слишком полезен для Орбана, чтобы отказываться от преимуществ, которые дает участие в нем. Гораздо лучше изменить его, чтобы он отражал предпочтения Венгрии, т.е. осуществить «хунгаризацию (венгеризацию)» ЕС [12. Р. 134–135]. И ситуация коронавирусного кризиса, кажется, предоставляет больше возможностей для реализации орбановской стратегии.

По мнению С. Лади из афинского университета Пантеон и С. Волфф из лондонского Университета королевы Марии, институты ЕС отреагировали на пандемию, продемонстрировав новый способ европеизации, который можно описать как координационную европеизацию. Она определяется как процесс, при котором государства-члены активно участвуют в процессе разработки общей политики на раннем этапе, чтобы гарантировать максимально возможный уровень ее реализации. Это прагматичный подход к европеизации, и каналы участия государств-членов часто были неформальными и осуществлялись онлайн. Еврокомиссия играла ведущую роль и предложила новаторские инструменты в этом процессе, продемонстрировав, что брюссельская бюрократия извлекла уроки из прошлых кризисов. Координационная европеизация не является ни наднациональным, ни межгосударственным способом сотрудничества. Это отход от принудительной европеизации, которая характеризовала институциональную реакцию ЕС на прежние кризисы. Исследователи обнаружили, что ответ институтов ЕС на вызов пандемии заключался в прямых консультациях и диалоге с государствами-членами [24]. Можно предположить, что политика Венгрии в связи с ее ролью в вакцинной дипломатии России оказала влияние на становление нового вида европеизации.

Список источников

1. Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Balvanyos Summer Free University and Student Camp, 26 July 2014, Tusnádfürdő (Băile Tușnad), Romania // Magyarország jobban teljesít. URL: http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in_english_article/_prime_minister_viktor_orban_s_speech_at_the_25th_balvanyos_summer_free_university_and_student_camp (accessed: 01.12.2021).

2. P7_TA(2011)0315. Revised Hungarian Constitution: European Parliament Resolution of 5 July 2011 on the Revised Hungarian Constitution // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0315_EN.pdf (accessed: 01.12.2021).
3. Krastev I. Eastern Europe's Illiberal Revolution // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97 (3). P. 49–56.
4. Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe / ed. by A. Lorenz, L.H. Anders. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. XX, 354 p.
5. Merkovity N., Bene M., Farkas X. Hungary: Illiberal Crisis Management // Political Communication and COVID-19: Governance and Rhetoric in Times of Crisis / ed. by D.G. Lilleker, I.A. Coman, M. Gregor, E. Novelli. New York : Routledge, 2021. P. 269–279.
6. Csehi R., Zgut E. 'We Won't Let Brussels Dictate Us': Eurosceptic Populism in Hungary and Poland // European Politics and Society. 2021. Vol. 22 (1). P. 53–68. DOI: 10.1080/23745118.2020.1717064
7. Varga M., Buzogány A. The Foreign Policy of Populists in Power: Contesting Liberalism in Poland and Hungary // Geopolitics. 2021. Vol. 26 (5). P. 1442–1463. DOI: 10.1080/14650045.2020.1734564
8. Visnovitz P., Jenne E.K. Populist Argumentation in Foreign Policy: The Case of Hungary Under Viktor Orbán, 2010–2020 // Comparative European Politics. 2021. № 19. P. 683–702. DOI: 10.1057/s41295-021-00256-3
9. Квашнин Ю.Д., Кузнецов А.В., Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 1. С. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
10. Шишелина Л.Н. К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы // Современная Европа. 2021. Т. 104, № 4. С. 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636
11. Чичманн Л. Внешняя политика Венгрии и кризис либерального международного порядка. Балансируя между мировыми державами и национальными интересами // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы / под ред. Л.Н. Шишелиной. М. : Ин-т Европы РАН, 2021. С. 253–261.
12. Hettyey A. The Europeanization of Hungarian Foreign Policy and the Hungarianization of European Foreign Policy, 2010–18 // Journal of Contemporary European Studies. 2021. Vol. 29 (1). P. 125–138. DOI: 10.1080/14782804.2020.1824895
13. Tarrósy I., Vörös Z. Hungary's Pragmatic Foreign Policy in a Post-American World // Politics in Central Europe. 2020. Vol. 16 (1S). P. 113–134. DOI: 10.2478/pce-2020-0006
14. Orenstein M.A., Kelemen R.D. Trojan Horses in EU Foreign Policy // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2017. Vol. 55 (1). P. 87–102. DOI: 10.1111/jcms.12441
15. Schmidt-Felzmann A. The Member States in EU–Russia Relations: Drivers of Cooperation and Sources of Conflict // The Routledge Handbook of EU–Russian Relations: Structures, Actors, Issues / ed. by T. Romanova, M. David. London : Routledge, 2021. P. 206–216.
16. Kazharski A., Macalová S. Democracies: "Sovereign" and "Illiberal": the Russian-Hungarian Game of Adjectives and Its Implications for Regional Security // Journal of Regional Security. 2020. Vol. 15 (2). P. 235–262. DOI: 10.5937/jrs15-24079
17. Rácz A. Authoritarian Ties: The Case of Russia and Hungary // Wilson Center. 2021. Oct. 22. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/authoritarian-ties-case-russia-and-hungary> (accessed: 01.12.2021).
18. Waisová Š. Central Europe in the New Millennium: The New Great Game? US, Russian and Chinese Interests and Activities in Czechia, Hungary, Poland and Slovakia // UNISCI Journal. 2020. Vol. 18 (54). P. 29–48. DOI: 10.31439/UNISCI-96
19. Кобринская И., Фрумкин Б. Центральное-Восточная Европа в международных процессах «пост-COVID-19» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 71–91. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.1
20. Ийяш Д. Политические эксперты и вакцины // Вишеградская Европа : центральноевропейский журнал. 2021. № 1 (9). С. 80–87.
21. Löblová O., Rone J., Borbáth E. COVID-19 in Central and Eastern Europe: Focus on Czechia, Hungary, and Bulgaria // Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. P. 413–435.
22. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. VIII, 654 p.
23. Drinóczi T., Bieñ-Kacala A. COVID-19 in Hungary and Poland: Extraordinary Situation and Illiberal Constitutionalism // The Theory and Practice of Legislation. 2020. Vol. 8 (1-2). P. 171–192. DOI: 10.1080/20508840.2020.1782109
24. Ladi S., Wolff S. The EU Institutional Architecture in the Covid-19 Response: Coordinative Europeanization in Times of Permanent Emergency // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2021. (Early View). DOI: 10.1111/jcms.13254
25. Moreno J.D., Sándor J., Schmidt U. The Vaccination Cold War // The Hastings Center report. 2021. Vol. 51 (5). P. 12–17. DOI: 10.1002/hast.1282
26. Anders L.H., Priebus S. Does It Help to Call a Spade a Spade? Examining the Legal Bases and Effects of Rule of Law-Related Infringement Procedures Against Hungary // Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe / ed. by A. Lorenz, L.H. Anders. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 235–262.
27. European Union Politics / ed. by M. Cini, N. Pérez-Solórzano Borragán. Oxford : Oxford University Press, 2019. 568 p.
28. Hettyey A. The Illusion of Autonomy and New Others: Role Conflict and Hungarian Foreign Policy After 2010 // Journal of International Relations and Development. 2021. DOI: 10.1057/s41268-021-00228-w
29. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? : пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
30. OECD Economic Surveys: Hungary 2021. Paris : OECD Publishing, 2021. 125 p.
31. 1163/2020. (IV. 21.) Korm. határozat Magyarország Nemzeti Biztonsági Stratégiájáról // Wolters Kluwer. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A20H1163.KOR&xtrefere=00000001.txt> (accessed: 01.12.2021).
32. The European Union's Vaccine-Acquisition Strategy // Strategic Comments. 2021. Vol. 27 (4). P. 1–3. DOI: 10.1080/13567888.2021.1942661
33. Györy C., Weinberg N. Emergency Powers in a Hybrid Regime: The Case of Hungary // The Theory and Practice of Legislation. 2020. Vol. 8 (3). P. 329–353. DOI: 10.1080/20508840.2020.1838755.
34. Greer S.L., de Ruijter A., Brooks E. The COVID-19 Pandemic: Failing Forward in Public Health // The Palgrave Handbook of EU Crises / ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsome. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 747–764.
35. Recovery Plan for Europe // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (accessed: 01.12.2021).
36. Фрумкин Б.Е. Заседания (саммиты) Европейского Совета (декабрь 2020 – февраль 2021) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 103. С. 5–15. DOI: 10.15211/eufacts1202105015
37. Moldicz C. Hungarian Foreign Policy in 2021: an Outlook // China-CEE Institute. Weekly Briefing. 2021. Vol. 36 (4). URL: <https://china-cee.eu/2021/02/04/hungary-external-relations-briefing-hungarian-foreign-policy-in-2021-an-outlook/> (accessed: 01.12.2021).
38. King E., Dudina V.I. COVID-19 in the Russian Federation: Government Control During the Epidemic // Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. P. 436–455.
39. Fazal T.M. Health Diplomacy in Pandemical Times // International Organization. 2020. Vol. 74 (S1). P. E78–E97. DOI: 10.1017/S0020818320000326
40. Hotez P.J. Vaccine Diplomacy // Foreign Policy. 2001. № 124. P. 68–69. DOI: 10.2307/3183194
41. GLOBSEC Trends 2021: Hungary One Year into the COVID-19 Pandemic // GLOBSEC. 2021. July 29. URL: <https://www.globsec.org/publications/globsec-trends-2021-hungary-one-year-into-the-covid-19-pandemic/> (accessed: 01.12.2021).
42. Which Vaccines Have Been Administered in Each Country? // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations#which-vaccines-have-been-administered-in-each-country> (accessed: 01.12.2021).

43. Россия и Венгрия обсудили строительство завода по производству Спутника V // РИА Новости. 2021. 14 окт. URL: <https://ria.ru/20211014/vaktsina-1754515502.html> (дата обращения: 01.12.2021).
44. Русакова М.Ю. Отношения Европейского Союза и Вишеградской группы (июнь–август 2021) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 105. С. 60–65. DOI: 10.15211/eufacts320216065
45. «Газпром» подписал 15-летний контракт с Венгрией на поставку газа // РИА Новости. 2021. 27 сент. URL: <https://ria.ru/20210927/kontrakt-1752019695.html> (дата обращения: 01.12.2021).
46. Виноградов А.О., Буромбей Е.К. Отношения Китая со странами Вишеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 200–214. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

References

1. Orbán, V. (2014) *Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Balvanyos Summer Free University and Student Camp, 26 July 2014, Tusnádfürdő (Băile Tușnad), Romania*. [Online] Available from: http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in_english_article/_prime_minister_viktor_orban_s_speech_at_the_25th_balvanyos_summer_free_university_and_student_camp (Accessed: 1st December 2021).
2. European Parliament. (2011) *P7_TA(2011)0315. Revised Hungarian Constitution: European Parliament Resolution of 5 July 2011 on the Revised Hungarian Constitution*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0315_EN.pdf (Accessed: 1st December 2021).
3. Krastev, I. (2018) Eastern Europe's Illiberal Revolution. *Foreign Affairs*. 97(3). pp. 49–56.
4. Lorenz, A. & Anders, L.H. (2021) *Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe*. Cham: Palgrave Macmillan.
5. Merkovity, N., Bene, M. & Farkas, X. (2021) Hungary: Illiberal Crisis Management. In: Lilleker, D.G., Coman, I.A., Gregor, M. & Novelli, E. (eds) *Political Communication and COVID-19: Governance and Rhetoric in Times of Crisis*. New York: Routledge. pp. 269–279.
6. Csehi, R. & Zgut, E. (2021) 'We Won't Let Brussels Dictate Us': Eurosceptic Populism in Hungary and Poland. *European Politics and Society*. 22(1). pp. 53–68. DOI: 10.1080/23745118.2020.1717064
7. Varga, M. & Buzogány, A. (2021) The Foreign Policy of Populists in Power: Contesting Liberalism in Poland and Hungary. *Geopolitics*. 26(5). pp. 1442–1463. DOI: 10.1080/14650045.2020.1734564
8. Visnovitz, P. & Jenne, E.K. (2021) Populist Argumentation in Foreign Policy: The Case of Hungary Under Viktor Orbán, 2010–2020. *Comparative European Politics*. 19. pp. 683–702. DOI: 10.1057/s41295-021-00256-3
9. Kvashnin, Yu.D., Kuznetsov, A.V., Trofimova, O.E. & Chetverikova, A.S. (2017) The European Migrant Crisis: Common Challenge and National Responses. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 61(1). pp. 97–107. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
10. Shishelina, L.N. (2021) The 30-th Anniversary of Visegrad Group: Achievements and Prospects. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 104(4). pp. 26–36. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope420212636
11. Chichmann, L. (2021) Vneshnyaya politika Vengrii i krizis liberal'nogo mezhdunarodnogo poryadka. Balansiruya mezhdu mirovymi derzhavami i natsional'nymi interesami [Foreign policy of Hungary and the crisis of the liberal international order. Balancing between world powers and national interests]. In: Shishelina, L.N. (ed.) *Tsentral'naya Evropa: tridsat' let po puti reform. Problemy, vyzovy, perspektivy* [Central Europe: thirty years on the path of reforms. Problems, challenges, prospects]. Moscow: RAS. pp. 253–261.
12. Hettyey, A. (2021) The Europeanization of Hungarian Foreign Policy and the Hungarianization of European Foreign Policy, 2010–18. *Journal of Contemporary European Studies*. 29(1). pp. 125–138. DOI: 10.1080/14782804.2020.1824895
13. Tarrósy, I. & Vörös, Z. (2020) Hungary's Pragmatic Foreign Policy in a Post-American World. *Politics in Central Europe*. 16(1S). pp. 113–134. DOI: 10.2478/pce-2020-0006
14. Orenstein, M.A. & Kelemen, R.D. (2017) Trojan Horses in EU Foreign Policy. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 55(1). pp. 87–102. DOI: 10.1111/jcms.12441
15. Schmidt-Felzmann, A. (2021) The Member States in EU–Russia Relations: Drivers of Cooperation and Sources of Conflict. In: Romanova, T. & David, M. (eds) *The Routledge Handbook of EU–Russian Relations: Structures, Actors, Issues*. London: Routledge. pp. 206–216.
16. Kazharski, A. & Macalová, S. (2020) Democracies: "Sovereign" and "Illiberal": the Russian-Hungarian Game of Adjectives and Its Implications for Regional Security. *Journal of Regional Security*. 15(2). pp. 235–262. DOI: 10.5937/jrs15-24079
17. Rácz, A. (2021) Authoritarian Ties: The Case of Russia and Hungary. *Wilson Center*. 22nd October. [Online] Available from: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/authoritarian-ties-case-russia-and-hungary> (Accessed: 1st December 2021).
18. Waisová, Š. (2020) Central Europe in the New Millennium: The New Great Game? US, Russian and Chinese Interests and Activities in Czechia, Hungary, Poland and Slovakia. *UNISCI Journal*. 18(54). pp. 29–48. DOI: 10.31439/UNISCI-96
19. Kobrinskaya, I. & Frumkin, B. (2020) Tsentral'no-Vostochnaya Evropa v mezhdunarodnykh protsessakh "post-COVID-19" [Central-Eastern Europe in post-COVID-19 international processes]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 18(2). pp. 71–91. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.1
20. Iyyash, D. (2021) Politicheskie eksperty i vaktsiny [Political experts and vaccines]. *Vishegradskaya Evropa: tsentral'noevropeyskiy zhurnal – Vise-grad Europe: Central European Journal*. 1(9). pp. 80–87.
21. Löblová, O., Rone, J. & Borbáth, E. (2021) COVID-19 in Central and Eastern Europe: Focus on Czechia, Hungary, and Bulgaria. In: Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press. pp. 413–435.
22. Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) (2021) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
23. Drinóczi, T. & Bién-Kacala, A. (2020) COVID-19 in Hungary and Poland: Extraordinary Situation and Illiberal Constitutionalism. *The Theory and Practice of Legislation*. 8(1-2). pp. 171–192. DOI: 10.1080/20508840.2020.1782109
24. Ladi, S. & Wolff, S. (2021) The EU Institutional Architecture in the Covid-19 Response: Coordinative Europeanization in Times of Permanent Emergency. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. (Early View). DOI: 10.1111/jcms.13254
25. Moreno, J.D., Sándor, J. & Schmidt, U. (2021) The Vaccination Cold War. *The Hastings Center Report*. 51(5). pp. 12–17. DOI: 10.1002/hast.1282
26. Anders, L.H. & Priebus, S. (2021) Does It Help to Call a Spade a Spade? Examining the Legal Bases and Effects of Rule of Law-Related Infringement Procedures Against Hungary. In: Lorenz, A. & Anders, L.H. (eds) *Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 235–262.
27. Cini, M. & Pérez-Solórzano Borrágán, N. (2019) *European Union Politics*. Oxford: Oxford University Press.
28. Hettyey, A. (2021) The Illusion of Autonomy and New Others: Role Conflict and Hungarian Foreign Policy After 2010. *Journal of International Relations and Development*. 25. pp. 260–294. DOI: 10.1057/s41268-021-00228-w
29. Müller, J.-W. (2018) *Chto takoe populizm?* [What is populism?]. Translated from English. Moscow: HSE.
30. OECD. (2021) *OECD Economic Surveys: Hungary 2021*. Paris: OECD Publishing.
31. Hungary. (2020) 1163/2020. (IV. 21.) *Korm. határozat Magyarország Nemzeti Biztonsági Stratégiájáról*. [Online] Available from: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A20H1163.KOR&txrefere=00000001.txt> (Accessed: 1st December 2021).
32. The European Union. (2021) The European Union's Vaccine-Acquisition Strategy. *Strategic Comments*. 27(4). pp. 1–3. DOI: 10.1080/13567888.2021.1942661

33. Györy, C. & Weinberg, N. (2020) Emergency Powers in a Hybrid Regime: The Case of Hungary. *The Theory and Practice of Legislation*. 8(3). pp. 329–353. DOI: 10.1080/20508840.2020.1838755.
34. Greer, S.L., de Ruijter, A. & Brooks, E. (2021) The COVID-19 Pandemic: Failing Forward in Public Health. In: Riddervold, M., Trondal, J. & Newsome, A. (eds) *The Palgrave Handbook of EU Crises*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 747–764.
35. European Commission. (n.d.) *Recovery Plan for Europe*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (Accessed: 1st December 2021).
36. Frumkin, B.E. (2021) Zasedaniya (sammity) Evropeyskogo Soveta (dekabr' 2020 – fevral' 2021) [Meetings (summits) of the European Council (December 2020 – February 2021)]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. 103. pp. 5–15. DOI: 10.15211/eufacts1202105015
37. Moldicz, C. (2021) Hungarian Foreign Policy in 2021: an Outlook. *China-CEE Institute. Weekly Briefing*. 36(4). [Online] Available from: <https://china-cee.eu/2021/02/04/hungary-external-relations-briefing-hungarian-foreign-policy-in-2021-an-outlook/> (Accessed: 1st December 2021).
38. King, E. & Dudina, V.I. (2021) COVID-19 in the Russian Federation: Government Control During the Epidemic. In: Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press. pp.436–455.
39. Fazal, T.M. (2020) Health Diplomacy in Pandemical Times. *International Organization*. 74(S1). pp. E78–E97. DOI: 10.1017/S0020818320000326
40. Hotez, P.J. (2001) Vaccine Diplomacy. *Foreign Policy*. 124. pp. 68–69. DOI: 10.2307/3183194
41. GLOBSEC. (2021) *GLOBSEC Trends 2021: Hungary One Year into the COVID-19 Pandemic*. 29th July. [Online] Available from: <https://www.globsec.org/publications/globsec-trends-2021-hungary-one-year-into-the-covid-19-pandemic/> (Accessed: 1st December 2021).
42. Our World in Data. (n.d.) *Which Vaccines Have Been Administered in Each Country?* [Online] Available from: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations#which-vaccines-have-been-administered-in-each-country> (Accessed: 1st December 2021).
43. RIA Novosti. (2021) Rossiya i Vengriya obsudili stroitel'stvo zavoda po proizvodstvu Sputnika V [Russia and Hungary discussed the construction of a plant for the production of Sputnik V]. 14th October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211014/vaktsina-1754515502.html> (Accessed: 1st December 2021).
44. Rusakova, M.Yu. (2021) Otnosheniya Evropeyskogo Soyuz i Vishegradskoy gruppy (iyun'–avgust 2021) [Relations between the European Union and the Visegrad Group (June–August 2021)]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. 105. pp. 60–65. DOI: 10.15211/eufacts320216065
45. RIA Novosti. (2021) “Gazprom” podpisal 15-letniy kontrakt s Vengriy na postavku gaza [Gazprom signed a 15-year contract with Hungary for the supply of gas]. 27th September. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210927/kontrakt-1752019695.html> (Accessed: 1st December 2021).
46. Vinogradov, A.O. & Borumbey, E.K. (2018) China's relations with the countries of the Visegrad Group. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' – China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 23. pp. 200–214. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

Сведения об авторе:

Бетмакаев Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: btmkv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Betmakaev Alexei M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations of the Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: btmkv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 01.12.2021; accepted for publication 05.07.2022